

Измаил Срезневский

**Об изучении родного языка
вообще и особенно в детском
возрасте**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
ИЗ7

ИЗ7 **Измаил Срезневский**
Об изучении родного языка вообще и особенно в детском возрасте / Измаил
Срезневский – М.: Книга по Требованию, 2015. – 184 с.

ISBN 978-5-458-15613-4

ISBN 978-5-458-15613-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

1.

Всякій живой языкъ есть такое народное достояніе, которое каждый членъ народа, по закону природы, долженъ пользоваться, воплощая его въ себя, воплощая въ немъ всѣ силы своего духа. Человѣку не врождено знаніе родного языка, и потому оно должно быть имъ пріобрѣтаемо посредствомъ изученія; но врожденъ законъ, требующій этого знанія, — и онъ долженъ быть такъ или иначе исполняемъ. Законъ долженъ быть исполняемъ: человѣкъ это чувствуетъ, — и потому состраждетъ глухонѣмому, лишенному силы исполнять его. Законъ долженъ быть исполненъ такъ или иначе, и потому человѣкъ, лишенный съ первыхъ лѣтъ жизни возможности развивать свои силы языкомъ своей отчизны, среди чужихъ принимаетъ ихъ языкъ будто родной: такъ сирота, воспитываясь въ чужой семьѣ, природняется къ ней и чувствуетъ родственнымъ. Какъ бы то ни было, изученіемъ языка родного или другого, заступившаго его мѣсто (народнаго), начинается и поддерживается развитіе духовныхъ силъ человѣка.

Во всякомъ дѣяти совершается это нѣсколько иначе, но только въ частностяхъ, а не въ общемъ: общій ходъ — отъ синтеза къ анализу, отъ простого звука, означающаго многое, къ сложнымъ звукамъ съ разными ихъ видоизмѣненіями для отдѣленія отдѣльно каждымъ особаго понятія или представленія, отъ отдѣльныхъ словъ къ связнымъ выраженіямъ, отъ отдѣль-

ныхъ выраженій въ цѣльныхъ разсказахъ. Сильна въ дѣтской головкѣ работа памяти, но не менѣе сильна и все сильнѣетъ работа ума, работа сообразительности и смысленности. Память работаетъ какъ послушный работникъ, умъ — какъ полновластный, нерѣдко и прихотливый господинъ. Умъ не любитъ пользоваться тѣмъ, что пріобрѣтаетъ память, такъ какъ есть, а перерабатываетъ, и изъ немногаго вырабатываетъ многое. Велика любознательность дитяти, но всегда остается въ границахъ его разумѣнія, его обладанія языкомъ. Изученіе всякаго предмета любознательности возможно для дитяти не прежде, чѣмъ оно усвоило довольно прочно главныя основы родного языка, какъ главное орудіе для этого, и идти можетъ только по мѣрѣ успѣховъ въ языкѣ. Это состояніе дитяти можно понять тому, кто хотѣлъ бы изучать какую нибудь науку на языкѣ, который ему еще непонятенъ или мало понятенъ. Онъ захочетъ прежде хоть сколько нибудь пріучиться понимать и даже вдумываться на этомъ языкѣ, и тогда уже начнетъ изученіе избраннаго предмета съ его помощію. И потомъ: чѣмъ отдаленнѣе отъ дѣтскаго разумѣнія какія нибудь понятія или представленія, тѣмъ менѣе и въ долѣ языка, имъ усвоенной, словъ, которыми можно ихъ выразить; слѣдовательно, чтобы облегчить изученіе тѣхъ или другихъ предметовъ науки, которые оставались внѣ круга его разумѣнія, надобно его подготовить обогащеніемъ его языка словами и выраженіями, для этого годными, дать ему ихъ усвоить, какъ усвоены имъ и другія слова и выраженія, и слѣдовательно прежде развить въ немъ разумѣніе понятій сродныхъ, болѣе доступныхъ. Иначе дитя пожалуй и затвердитъ многое, но только затвердитъ, не болѣе — и довольно скоро забудетъ. По этому-то истинный другъ дѣтей не можетъ не совѣтовать отцу и матери заботиться прежде всего и болѣе всего о томъ, чтобы дитя ихъ усвоивало выразительность родного языка, развивало въ себѣ чутье его не отдѣльно отъ развитія умствен-

ныхъ силъ, и чтобы при дальнѣйшемъ его образованіи все опиралось постоянно на этомъ срединномъ знаніи. *)

---

*) Все, между прочимъ и изученіе другихъ языковъ. Позволяю себѣ по этому случаю небольшое отступленіе. Можно и должно наблюдать, какъ дѣйствуетъ законъ развитія духовныхъ силъ въ человѣкѣ, — должно для того, чтобы отстранять все, что мѣшаетъ правильности дѣйствій этого закона; но не должно выѣшиваться въ его дѣйствія, ни мѣшать ему, ни ускорять, ни замедлять его дѣйствій насильственно, ни давать имъ произвольное, насильственное направленіе. Память — работникъ, умъ — хозяинъ, который управляетъ работами работника, и пользуется ими. Что же будетъ, если память обременяема будетъ такъ, что уму не подѣ силу станеть слѣдить за ея работами и пользоваться ими свободно? Что будетъ, если работникъ, работая безъ вѣдома хозяина и много, сносить ему будетъ свои работы какъ попало, а хозяину некогда будетъ и осматривать ихъ, не только приводить въ порядокъ и пользоваться? Неурядица, какъ въ иномъ хозяйствѣ, гдѣ чужіе хозяйничаютъ безъ хозяина. То же бываетъ и въ человѣкѣ, котораго памяти даютъ работы, не думая объ умѣ. При развитіи духовныхъ силъ, обязанности воспитателя тѣ же, что и при развитіи тѣлесныхъ силъ дитяти — и тѣ же опасности, та же противозаконность, если онѣ не выполняются. Опасно, противозаконно, стѣснять грудь дитяти корсетомъ, дѣлать его разными варевами или кормить сладостями, удерживать его отъ сна, когда солнце не на небосклонѣ, поражать его чувства сильными впечатлѣніями. «Дайте ему бѣдняжкѣ свободу природы» — скажетъ мучителямъ такого мученика дитяти всякій добрый другъ дѣтей. То же долженъ онъ сказать и объ исполненіи закона природы духовной: «Дайте бѣдняжкѣ свободу природы, не раздражайте его памяти, не насилуйте ума. Памяти нельзя сдѣлать господиномъ; домогаясь этого, можно только умъ сдѣлать работникомъ этого вѣчнаго работника. Идти на это противозаконно и опасно. Не то что дитя непременно захирѣеть, но непременно, хоть и не всегда ярко замѣтно, ослабнетъ его умъ — и болѣе или менѣе навсегда: отъ него уже послѣ не ждате столько добра, сколько бы было въ немъ, если бы не извратили закона природы. Естественно ли же — спрошу я — учить дитя, еще не усвоившее себѣ родного языка, другому языку или и двумъ тремъ другимъ языкамъ? Сама природа къ этому не ведетъ, слѣдовательно неестественно. Что природа къ этому не ведетъ, это видно и на судьбахъ народовъ: два народа, сродняющіеся въ одинъ, не становятся народомъ двуязычнымъ, а образуютъ себѣ одинъ языкъ — или такъ, что одинъ изъ языковъ совершенно умираетъ, или же такъ, что оба языка сливаются въ одинъ и все-таки при подчиненіи одного изъ нихъ другому, какъ главному. Сроднясь съ Нѣмцами, Балтійскіе Славяне забыли свой Славянскій языкъ, превратились въ Нѣмцевъ; сроднясь тамъ съ Венграми, а тутъ съ Румынами, они подчинили

Но какъ же долго въ жизни должно держаться родного языка, какъ главной основы, главнаго корня всякаго образовательнаго развитія духовныхъ силъ? Сколько умѣстенъ этотъ вопросъ, столько же умѣстенъ и другой: — Да развѣ возможно этого корня не держаться? Не держась этого корня всѣми си-

---

свой языкъ тамъ Венгерскому, тутъ Румунскому — давши тамъ Венграмъ, а тутъ Румунамъ принять въ собственность болѣе или менѣе значительныя доли богатства и.г. Славянскаго языка. Что неестественно человѣку усвоивать съ дѣтства нѣсколько языковъ разомъ, что сама природа къ этому не ведетъ, это видно и на дѣтяхъ, которымъ есть возможность уклоняться отъ тиранства воспитателей: чуть только имъ захочется говорить между собою отъ души, они такъ и рвутся къ родному языку. Что сама природа къ этому не ведетъ, это видно и по послѣдствіямъ разноязычнаго воспитанія. Выучиваются дѣти лепетать на нѣсколькихъ языкахъ, даже бѣгло, даже довольно правильно; но живое ли это обладаніе языкомъ? Эта развязность не свобода, не живая жизнь, а только внѣшній образъ жизни и свободы. Такъ точно можно искусственно приучать себя казаться веселымъ, или пожалуй и грустнымъ — всегда когда захочется казаться: будетъ ли это истинное веселіе или истинная грусть? Можно приучить себя казаться и понимающимъ то и другое, когда не понимаемъ ни того, ни другого; но будетъ ли это истинное разумѣніе? И къ чему же ведетъ такое притворство? Къ тому, что отвыкаешь и чувствовать, и понимать. Такъ и съ неестественнымъ изученіемъ языковъ въ дѣтствѣ. Естественный исходъ этого — умственная клятость: отъ нея избавляются только самые даровитые. Можно думать только на одномъ языкѣ. Говоря на нѣсколькихъ равно бѣгло, не владѣешь ни однимъ изъ нихъ какъ орудіемъ мыслительности. Нѣтъ орудія для работы, нѣтъ и работы. Приучаясь думать на нѣсколькихъ языкахъ, отвыкаешь думать вообще, остаешься при одномъ внѣшнемъ образѣ думы, и потомъ управляешься въ своихъ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ внѣсто ума мгновенными побужденіями, прихотями или же подражательностью другимъ: не слышишь ни о чемъ подумать отъ себя, не такъ, какъ думаютъ другіе, или какъ тотъ другой, кому преданъ слѣпо. Не всякій хочетъ или и можетъ это замѣтить, а такъ есть, большею частію такъ. Могло бы не быть этого, если бы между прочимъ и изученіе чужихъ языковъ было уже слѣдствіемъ изученія своего роднаго языка, тогда уму при такой работѣ было бы къ чему приноровиться, чѣмъ облегчать себѣ новую работу. И то не безгранично: даже и такіе знатоки языковъ, которые усвоивали себѣ ихъ знаніе естественнымъ путемъ, нерѣдко оказывались не съ прочною мыслительностью, или же и оканчивали свои успѣхи въ языкахъ — не сумашествіемъ, такъ отупѣніемъ.

лами духа, дающаго имъ жизненность, гдѣ же найти имъ пищу? Только на родномъ языкѣ можетъ человѣкъ опредѣлить не только для другого, но и для самого себя вполне вѣрно и свободно всякое движеніе своего ума и сердца, вызывая ихъ къ дѣятельности сознательной; — и тѣмъ это ему легче, чѣмъ онъ болѣе развивалъ въ себѣ эту силу. Только черезъ посредство родного языка можетъ онъ и воспринимать полно и свободно мысль и чувство другого. Работа надъ роднымъ языкомъ въ человѣкѣ не превращается никогда никакимъ приговоромъ природы: *«довольно! кончено!»*, не превращается во все то время, пока развиваются духовныя силы человѣка. Онѣ идутъ черезъ всю дѣятельную жизнь человѣка тѣмъ счастливѣе, чѣмъ меньше мѣшаютъ внѣшнія обстоятельства, т. е. чѣмъ меньше повредили въ дѣтствѣ и въ юности воспитательныя приемы, а послѣ, по выходѣ юности въ жизнь, чѣмъ меньше дозволительно общее и частное равнодушіе къ мыслительнымъ силамъ, общая и частная небрежность къ разумному обладанію языкомъ. Обстоятельства, мѣшающія развитію чутья языка, заглушаютъ вмѣстѣ съ нимъ и свободную дѣятельность ума: вотъ почему люди болѣе даровитые и сами собою влекутся къ борьбѣ съ этими обстоятельствами и къ постоянному труду надъ своимъ языкомъ наперекоръ своимъ особеннымъ занятіямъ. Вотъ почему надъ роднымъ языкомъ работаютъ неустанно во всю свою жизнь между прочимъ и тѣ изъ писателей, которые сознательно понимаютъ свое высокое призваніе. Но они ведутъ себя по этому пути не по какой нибудь исключительной обязанности, на нихъ однихъ лежащей, а только потому, что яенѣ другихъ понимаютъ свое общечеловѣческое достоинство. Если не понимаетъ, то хоть чувствуетъ свою человѣческую силу въ языкѣ и самый простой человѣкъ, если не самъ въ себѣ и за себя, то въ другихъ и за другихъ, хоть страдательно, выражая себя и радостью и слезами сочувствія къ живому слову языка, прирожденнаго душѣ

его. Не напрасно говорятъ, что на человѣка можно дѣйствовать языкомъ, умомъ и чувствомъ, воплощенными въ языкѣ. Считать себя въ правѣ быть только подъ дѣйствіемъ силы слова, значить добровольно самоуничжаться; да это собственно и невозможно. Естественно считать себя въ правѣ и дѣйствовать силою слова въ себѣ и внѣ себя; это-то право и влечетъ умъ къ работамъ надъ своимъ роднымъ языкомъ постоянно. Тутъ нѣтъ, быть не можетъ границъ означаемыхъ возрастомъ, приемнымъ или выпускнымъ экзаменомъ, ученою степенью, положеніемъ, поломъ. Тутъ одна граница — развитіе силъ, чѣмъ болѣе тѣмъ лучше. И чѣмъ на комъ болѣе лежитъ обязанностей, соединенныхъ съ знаніемъ языка, тѣмъ тотъ болѣе долженъ чувствовать нужду объ этомъ заботиться. Таковы между прочимъ воспитатели и всѣ пишущіе: на однихъ лежитъ обязанность дѣйствовать силою знанія своего языка на развитіе духовныхъ силъ воспитанниковъ; на другихъ — не менѣе важная обязанность выяснять посредствомъ языка не то такъ другое важное въ жизни частной или общественной. Эта обязанность лежитъ и на тѣхъ, которые и живымъ изустнымъ словомъ должны дѣйствовать на многихъ или за многихъ другихъ.

Кто же эти многіе, для которыхъ, столько же какъ и для себя самого, человѣку нуженъ языкъ! Это не люди вообще, и не какіе нибудь имъ произвольно избранные люди. Это тѣ только и всѣ тѣ, которыхъ сама природа сблизила, сроднила, утѣдствовала языкомъ. Это — народъ. *Народъ и языкъ*, единица нераздѣлимая. Народъ — языкъ, языкъ — народъ. Изъ этого одного понятно, что невозможна для народа образованность безъ языка такъ же, какъ и для языка безъ народа.

Въ какой степени зависитъ отъ языка общая образованность народа, можно себѣ выяснитъ и изъ немногихъ соображеній. Избираю изъ многихъ два обстоятельства, служащія къ объясненію вопроса:

Представляю себѣ людей, живущихъ вмѣстѣ ближайшими и исключительными сосѣдями и говорящихъ на языкахъ, взаимно непонятныхъ: возможно ли для нихъ всѣхъ вмѣстѣ развитіе общей образованности, пока они всѣ вмѣстѣ не сблизятся взаимно разумѣніемъ? Невозможно. Заключаю: чѣмъ взаимно понятнѣе, родственнѣе по языку части общества, тѣмъ возможнѣе для нихъ всѣхъ вмѣстѣ развитіе общей образованности.

Представляю себѣ народъ, или общество, котораго языкъ сталъ недвижимо, безъ силы развивать изъ себя ничего новаго, ни одного новаго слова или выраженія, ни придавать новаго значенія старому: возможно ли для такого общества движеніе образованности? Конечно, нѣтъ. Заключаю: чѣмъ болѣе жизненной силы въ языкѣ, тѣмъ болѣе жизненной силы образованности можетъ быть и въ обществѣ или народѣ, которому онъ принадлежитъ, если только ничто другое не мѣшаетъ.

Въ такой зависимости отъ языка представляю себѣ образованіе частное и образованность общую, — и считаю естественнымъ въ примѣненіи къ нашимъ Русскимъ нуждамъ такой общій выводъ:

Родной языкъ нашъ долженъ быть главною основою и общей нашей образованности и образованія каждаго изъ насъ — такъ, чтобы въ немъ они сосредоточивались и отъ него зависѣли.

Знаніе родного языка необходимо, какъ важнѣйшее условіе и орудіе образованія каждаго человѣка отдѣльно и образованности народной вообще.

Въ чемъ же заключается знаніе языка? въ чемъ должно состоять изученіе языка?

Въ знаніи языка можно отдѣлить двѣ стороны: а) знаніе *внутреннее*, знаніе про себя, для удовлетворенія внутреннихъ

требованій ума познающаго, и б) знаніе *отъиннее*, знаніе для другихъ, для удовлетворенія требованій и ожиданій ихъ ума.

Внутреннее знаніе языка предполагаетъ — знаніе словъ и знаніе сочетаемости словъ.

1. *Знаніе словъ*. Въ языкѣ не можетъ не быть такихъ словъ, которыя употребляются только какъ условные знаки представленій и понятій, каковы напр. *рука, нога, человекъ, небо* и пр., и пр. Знаніе ихъ зависитъ только отъ памяти, пониманіе ихъ равно пониманію иностранныхъ словъ: *нервы, блондинъ, лампа, секретарь*, или собственныхъ: *Петербургъ, Москва, Петръ Великій* и пр., и пр. Но сколько ни необходимо эти слова съ условнымъ смысломъ, ни одинъ языкъ не можетъ состоять изъ нихъ однихъ: изъ нихъ какъ изъ сѣмянъ вывиваются въ языкѣ и въ умѣ, познающемъ языкъ, десятки тысячъ словъ и выраженій со смысломъ внутреннимъ: нѣтъ для меня смысла внутренняго въ словѣ *рука*, я выучилъ его прямой памятью; но уже не памятью, а умомъ мыслящимъ усваиваю потомъ, слова: *ручка* (чьянибудь или чегонибудь), *ручной, рукавъ, ручаться, порука, выручать, обручать, руководство* и пръ и пр.; или слово *веду*—*вожу* я затвердилъ памятью; но уже не памятью, а умомъ мыслящимъ, познаю потомъ слова: *вождь, вожатый, выводъ, доводъ, сводъ, поведеніе, произведеніе*, и пр., и пр. Такія слова я не только познаю, но и самъ ихъ вырабатываю въ себѣ, и тѣмъ болѣе вѣрно, чѣмъ болѣе всматриваюсь умомъ хотя безсознательно въ законы ихъ образованія. Такъ знаніе словъ предполагаетъ знаніе ихъ — не только какъ условныхъ знаковъ представленій и понятій каждаго по отдельности, но и какъ *сознательныхъ* изображеній представленій и понятій въ ихъ взаимномъ сродствѣ, изображеній или вразумительныхъ для ума, или чуждыхъ воображеніемъ, тѣхъ и другихъ въ возможно полномъ количествѣ и съ разумнѣемъ законовъ или причинъ ихъ образованія.

2. *Знаніє сочетаемости словъ.* Во вѣхъ языкахъ безъ исключенія есть свои особенные различныя образы сопоставленія словъ для выраженія мыслей, и въ большей части языковъ въ числѣ этихъ условій стоитъ необходимость обозначать соотношенія словъ къ мысли посредствомъ ихъ видоизмѣненій (*я вижу, а не я вижу свѣтъ, а не свѣта, мы ищемъ а не мы ищутъ свѣта, а не свѣтъ*). И здѣсь сравнительно очень немногого требуетъ памяти безъ участія ума: словъ — десятки тысячъ, а ихъ сочетаній, нужныхъ для выраженія мысли — миллионы. Никакая память не выдержала бы этой громады, если бы не умъ, и тѣмъ легче уму владѣть этой громадой, чѣмъ онъ сильнѣе сознательностью, чѣмъ сознательнѣе владѣетъ языкомъ. Такимъ образомъ знаніє сочетаемости словъ заключается въ *видоизмѣненіяхъ*, которымъ слова подчиняются при ихъ сочетаніи одно съ другимъ, и *образовъ сопоставленія* словъ въ цѣльныхъ выраженіяхъ мысли, а вмѣстѣ и знаніє законовъ, которыми управляется языкъ въ выборѣ тѣхъ и другихъ.

Вышнее знаніє предполагаетъ:

1. Умѣнье *пользоваться словами*, легко находить ихъ для вѣрнаго и понятнаго изображенія всякаго рода представленій и понятій, не только пользоваться всѣми готовыми слышанными, но и владѣть силой производить другія подобныя, общевразумительныя.

2. Умѣнье *соединять слова* въ цѣльныя выраженія для вѣрной передачи своихъ мыслей и чувствованій другимъ, пользуясь готовыми обычными выраженіями и силой создавать такія же, столько же или и болѣе точныя и понятныя.

3. Умѣнье внятно, правильно и красиво *выговаривать* и слова отдѣльно и связныя выраженія мыслей.

4. Умѣнье *писать*, т. е. внѣшними знаками изображать слова и ихъ сочетанія такъ, чтобы можно было понимать написанное, слѣдовательно по условіямъ общепринятаго обычая и вмѣстѣ по требованіямъ разсудка.

Вотъ полное знаніе языка.

Не всякій можетъ знать все это вполне; тѣмъ не менѣе есть доля знанія необходимая, которою не владея, нельзя назваться знающимъ языкъ. Это знаніе предполагаетъ:

1. Знаніе словъ, необходимыхъ для выраженія всѣхъ необходимыхъ представленій и понятій, и умѣнье ими пользоваться.

2. Умѣнье правильно и легко пользоваться главными видоизмѣненіями словъ и наиболѣе необходимыми образами ихъ сопоставленія въ связанныхъ выраженіяхъ мыслей и чувствованій.

3. Владѣніе правильнымъ выговоромъ.

Двѣ обозначенныя степени знанія языка очень отличны. Одна изъ нихъ столько же необщедостижима, сколько другая не для всѣхъ вполне достаточна; онѣ предполагаютъ нѣсколько другихъ среднихъ. Очевидно, что такъ какъ есть нѣсколько степеней знанія языка, то эти степени должны быть естественными явленіями — чего? думаю: а) внутреннихъ стремленій человѣка къ знанію, размышленію и выраженію себя другимъ и б) привычныхъ нуждъ и требованій общества, въ которомъ и для котораго знаніе должно быть выражаемо. Чѣмъ какая степень необходимѣе въ томъ и въ другомъ отношеніи вмѣстѣ, тѣмъ она болѣе числомъ людей должна быть достигаема; чѣмъ каная менѣе необходима, тѣмъ болѣе восходъ на нее зависитъ отъ личныхъ стремленій человѣка и другихъ — только тѣхъ, которые оживлены тѣми же стремленіями. Чѣмъ выше степень для всѣхъ необходимая, тѣмъ выше общая образованность.

Первой, низшей степени знанія родного языка достигаютъ дѣти въ два, въ три, много въ четыре года, послѣ того, какъ начали лепетать первые звуки: „мама, папа“ и т. п.: на пятомъ, шестомъ или седьмомъ году жизни дитя уже владетъ умѣньемъ правильно пользоваться тою долею языка, которая необходима для выраженія представленій и понятій, замѣчаній и